

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ
ЗАКАТ
В ЛИССАБОНЕ

Чингиз Акифович Абдуллаев

Закат в Лиссабоне

Серия «Дронго», книга 53

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=599335
Закат в Лиссабоне: повести: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-48092-0

Аннотация

Лиссабон. Финал чемпионата Европы по футболу. Мечта миллионов болельщиков, событие в мире спорта... Почему туда с новым заданием отправляется агент Дронго? Отправляется, зная только, что обязан обезвредить многоопытного международного террориста из бывшего Советского Союза, но не подозревая ни как выглядит этот террорист, ни на кого нацелен его удар! Известны лишь кличка убийцы и его примерный возраст. Возраст, которому соответствуют слишком многие...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	33
Глава четвертая	49
Глава пятая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Чингиз Абдуллаев

Закат в Лиссабоне

Раньше, в спокойные годы, я иногда спрашивал себя, что я стал бы делать, если бы вдруг узнал, что мне осталось жить только месяц. И никогда не мог ответить на этот вопрос. Каждая вещь раздваивалась и обращалась в свою противоположность. То мне казалось, что я непременно должен что-то предпринять, то вдруг оказывалось, что именно этого я ни в коем случае делать не должен.

Так было и сейчас.

Эрих Мария Ремарк.

«Ночь в Лиссабоне»

Уже стемнело, но электричество не зажигали. Я догадался, что это из-за меня. Хозяева, видимо, знали откуда-то, что нельзя зажигать свет, пока на небе не появятся три звезды. Комнату заполнили тени. Тени прошлого. Тоска и томление стародавних субботних сумерек настигли меня здесь.

Исаак Башевис Зингер.

«Суббота в Лиссабоне»

Глава первая

...И когда раздается неожиданный телефонный звонок, ты понимаешь, что сейчас произойдет не просто контакт с еще неведомым тебе человеком. Ты осознаешь, что в эту секунду Провидение само протягивает тебе руку и посредством другого человека пытается изменить твою судьбу. Дронго посмотрел на звонивший телефон и поднял трубку.

– Добрый вечер, – услышал он голос Владимира Владимировича.

– Здравствуйте, – ответил Дронго. Он еще не знал, насколько этот вечер будет добрым.

– Ты не в настроении? – спросил старый знакомый.

– Это зависит от того, что именно вы мне скажете, – пробормотал Дронго. – Я совсем не уверен, что вы звоните лишь затем, чтобы пожелать мне доброго вечера или поболтать о погоде. Я очень ценю ваше внимание и бережное отношение ко мне, но, боюсь, вы, как всегда, звоните по очень конкретному поводу.

– Ты стал меланхоликом, – заметил Владимир Владимирович.

– И уже давно, – отозвался Дронго, – мне казалось, что вы должны были уже привыкнуть к этой особенности моего характера.

– Именно поэтому я и звоню. Чтобы немного развеять

твою меланхолию. Ты можешь приехать ко мне?

– Прямо сейчас? Между прочим, уже восьмой час вечера и на улице идет дождь.

– Между прочим, дождь прекратился, а засыпаешь ты обычно под утро, – напомнил Владимир Владимирович.

– Иногда я думаю, что вы знаете и о моих снах, – пробормотал Дронго. – Ладно, я приеду к вам через полчаса. Только не говорите, что вы приготовите для меня роскошный ужин.

– Не приготовлю. Могу угостить кофе. Хотя кофе ты у нас не пьешь. Ну, найду для тебя чашку чая. Приезжай, кажется, нам есть о чем поговорить.

Дронго положил трубку и посмотрел на себя в зеркало. Сорок четыре года. Усталое выражение лица, уже заметная седина на висках, начинающие куститься брови, внимательный взгляд темных глаз, твердо сжатые губы. Из зеркала на него смотрел мужчина средних лет. Дронго подмигнул сам себе и пошел одеваться.

Они были знакомы уже много лет. Владимир Владимирович традиционно выходил на связь только в случаях острой необходимости. Просто так они почти не виделись и не разговаривали. Владимир Владимирович провел два десятка лет на службе за рубежом, и уже тогда Дронго обрел в его лице надежного союзника и друга, который не раз поддерживал его в сложную минуту. С тех пор у каждого остались свои воспоминания – и о прежних встречах, и о совместных разговорах. Теперь, вернувшись в Москву, Владимир Вла-

димирович вышел на пенсию и был своеобразным связным между спецслужбами и Дронго, на помощь которого, в свою очередь, всегда мог рассчитывать. Особенно когда ситуация требовала участия эксперта такого высокого класса.

Дронго приехал ровно через полчаса. Он поднялся по лестнице и позвонил. Его всегда поражала способность Владимира Владимировича оказываться за дверью именно в тот момент, когда он звонил. Словно его старый друг специально вычислял миг, когда гость приблизится к двери и протянет руку к звонку. Ведь хозяин квартиры хромал и не мог передвигаться столь стремительно. «Возможно, он прислушивается к движению лифта», – иногда думал Дронго. Но, даже поднявшись по лестнице пешком и стараясь не шуметь, он всегда обнаруживал Владимира Владимировича открывающим дверь спустя лишь мгновение после звонка. Улыбаясь своим мыслям, Дронго вошел в отворившуюся дверь.

– Ты специально не пользуешься лифтом? – спросил хозяин квартиры.

Ему было под семьдесят. Коротко стриженные седые волосы, одутловатое лицо, глубоко посаженные светлые глаза.

– А вы все время стоите за дверью и ждете, когда я позвоню? – в свою очередь, спросил Дронго. – Или у вас есть какой-то фирменный секрет? Давно собирался выяснить, как вы узнаете о моем появлении?

– Не скажу, – добродушно усмехнулся Владимир Владимирович. – Пусть это останется моей маленькой тайной. Хо-

тя на это трудно надеяться, говоря с человеком, который специализируется на раскрытии тайн. Проходи в комнату, нас с тобой ждет очень интересный разговор. Чай я тебе уже приготовил.

За столом Дронго, верный своей привычке, устроился так, чтобы оказаться лицом к двери. Хозяин дома сел напротив него и долго молчал, прежде чем начать разговор.

– Ты недавно вернулся из Ростова? – начал наконец Владимир Владимирович. – Говорят, ты выступал в суде как адвокат?

– Это был не совсем удачный опыт, – ответил Дронго, – мой подзащитный получил двенадцать лет тюрьмы. Но объективности ради скажу, что мы все же спасли его от пожизненного наказания...

– Значит, ты мог стать неплохим адвокатом. Хотя не думаю, что тебе понравилось бы работать в этом качестве.

– Мне уже давно не нравится работать ни в каком качестве, – признался Дронго. – Однако это не относится к нашему сегодняшнему разговору. Если вы позвонили и так неожиданно попросили меня приехать, то можно догадаться о цели нашей встречи. Чем я могу помочь?

– Ты бывал раньше в Португалии? – поинтересовался Владимир Владимирович.

– И не один раз, – ответил Дронго, – в прошлом году я даже попытался отдохнуть в Алгарве, когда там произошли два загадочных убийства. Если вы помните, мне пришлось

тогда искать убийцу...

– И ты его нашел. – Его собеседник ничего не спрашивал, он просто констатировал факт.

– Кажется, да. Хотя отдых мне сорвали. Зачем вы спросили про Португалию?

– Тебе могут оплатить поездку в эту страну. Может, тебе стоит слетать туда еще раз?

– Ненавижу летать, – напомнил Дронго, – тем более так далеко. Зачем мне нужно лететь в Португалию?

Владимир Владимирович не спеша подвинул к себе чашку кофе и начал рассказывать:

– В конце девяносто первого, когда пытались провести реорганизацию бывшего КГБ, разведка была уже самостоятельным учреждением, которое возглавил Примаков. Ты помнишь, как тогда было.

– Поэтому разведка и сохранилась, – заметил Дронго, – иначе всех связных давно бы пересажали, а всех агентов перевербовали. Им тогда удалось сохранить свою структуру просто чудом. Хотя в МИДе их очень сильно потеснили.

– Это так, – согласился Владимир Владимирович, – но с тех пор прошло уже много лет. Нам казалось, что все возможные негативные последствия того периода уже могут считаться несколько нивелированными, однако каждый раз всплывают все новые обстоятельства.

– И будут всплывать, – не выдержал Дронго. – Извините, что я вас перебиваю. А вы полагали, что может быть иначе?

Владимир Владимирович ничего не ответил. Немного помолчав, он продолжил так, словно не слышал вопроса:

– Первое главное управление КГБ СССР состояло из множества управлений и отделов. В их числе было специальное управление «Т». Ты помнишь, чем оно занималось?

– Управление по проведению активных действий за рубежом.

– Правильно. А еще было абсолютно засекреченное управление «РТ», созданное уже в последние годы существования КГБ. Оно занималось операциями на территории собственной страны.

– Их тогда расформировали, – нахмурился Дронго.

– Верно. И некоторые сотрудники перешли в другие подразделения. А некоторые уволились. Тогда никто не думал о будущем! Всем казалось, что общий распад носит неуправляемый характер и это навсегда, – в сердцах произнес Владимир Владимирович. – Как подумаю, сколько людей пострадали в республиках Прибалтики только потому, что честно служили своей стране, или в бывшей ГДР, где их до сих пор преследуют... – Он махнул рукой, не собираясь развивать эту болезненную для него тему. – В общем, тогда ушли многие профессионалы. И среди них те, кого нельзя было отпускать. Но они ушли, так как оказались гражданами новых стран, возникших после девяносто первого года. Из Прибалтики тогда хотя бы постарались вывезти документы. Вывозили все, что можно: агентурные донесения, списки агентов,

явочных квартир, сведения об источниках финансирования, возможных связях. В общем, почистили архивы основательно. А в Средней Азии их не трогали. Эти республики считались заповедниками социализма. Потом, конечно, спохватились... – Владимир Владимирович снова замолчал.

Дронго посмотрел на своего собеседника и попросил:

– Давайте без воспоминаний, они одинаково неприятны и для вас, и для меня. – Затем, чтобы вернуться к теме встречи, задал вопрос: – И что? Вашим друзьям понадобился кто-то из исчезнувших тогда офицеров?

– Да.

– Кто?

– Полковник Кахаров. Мумин Кахаров. Его тогда послали в Таджикистан. Решили, что он, как местный уроженец, сумеет оказать помощь органам КГБ в Ленинабадской области. Как тебе это нравится? Профессионала, который действовал за рубежом, специалиста высшей квалификации вдруг переводят из Москвы в Таджикистан. И даже не в столицу. Считалось, что таким образом они укрепляют местные кадры. Можешь себе представить, в каком он был состоянии?

– У него есть семья?

– Нет. Жена умерла в восемьдесят седьмом. Детей у них не было. Его брат погиб во время гражданской войны, которая началась в Таджикистане сразу после развала страны.

– Я бы на его месте тоже обиделся, – мрачно заметил Дронго, – и как минимум послал бы всех к чертовой бабуш-

ке.

– Что ты и сделал тогда, в девяносто первом, – напомнил Владимир Владимирович. – Между прочим, они серьезно обсуждали вопрос о твоей ликвидации. Потом решили, что ты слишком известный эксперт. Тебя знали в ООН и в Интерполе, а им не хотелось лишних скандалов.

– В общем, я сохранился в результате своей громкой известности, – прокомментировал Дронго. – Спасибо, что сообщили через столько лет.

– Не делай вид, что ты ничего не знал, – укоризненно произнес Владимир Владимирович, – у тебя тогда произошло два прокола подряд: смерть Натали и самоубийство твоего напарника в Бельгии. Так что в отношении тебя могли принять любое решение.

– Давайте про Кахарова, – напомнил Дронго, – что там с ним случилось?

– Его потеряли в конце девяносто третьего года. Он тогда ловко инсценировал свою смерть. Ты знаешь, что в то время творилось в Таджикистане. Гражданская война – вырезали целые семьи, люди гибли тысячами. До одного исчезнувшего человека никому не было дела. Пока он сам не напомнил о себе. Собственным почерком. В девяносто четвертом – в Нигерии, в девяносто восьмом – в Анголе. Специалисты вычислили его по характерному почерку. Затем его видели на Ближнем Востоке. Последние фотографии сделали сотрудники южноафриканской разведки в девяносто восьмом. Че-

рез англичан передали в Москву.

– Солидная биография хорошо подготовленного профессионала, – холодно констатировал Дронго. – Не нужно было разваливать страну! Чтобы такие люди оказались не у дел... Это ведь как у специально обученных бойцовых собак. Они не должны оставаться без дела. Мне в Бразилии рассказывали про породу собак, с помощью которых в свое время охотились на беглых рабов. Специально натренированные на людей охотничьи псы. Филадельфия Бразильеро. Если такую собаку долго не использовать «по специальности», она рано или поздно набросится на хозяина... Хотя бывают и исключения.

– Не так часто, как хотелось бы, – сердито заметил Владимир Владимирович. – Честно говоря, все это должно быть скорее проблемой таджикских спецслужб, но их возможности ограничены. А Интерпол уже трижды присылал запросы на Кахарова. Решение о его ликвидации принято еще в девяносто восьмом. Но посланная группа не смогла его вычислить. Позже его видели в Иордании.

– Сколько ему сейчас лет?

– Шестьдесят четыре. Но, судя по всему, он в неплохой форме.

– Идеальный возраст для профессионала – сочетание опыта и мудрости, – невесело заметил Дронго. – И как я понял, теперь вы знаете, где его можно будет найти. Неужели он должен появиться в Португалии?

Владимир Владимирович внимательно посмотрел на

Дронго и негромко произнес:

– У нас есть абсолютно проверенные сведения, что он будет там максимум через неделю. В Лиссабоне состоится конгресс ВОЗ – Всемирной организации здравоохранения. У тебя в запасе не так много времени. Нужно его найти и...

Дронго взглянул на своего собеседника.

– Да, – кивнул тот, – как бы тебе ни было неприятно это слышать. Нужно его найти и ликвидировать. Решение уже принято. Единственное, в чем мне удалось убедить моих бывших коллег, – это в том, что ты не профессиональный ликвидатор, а всего лишь аналитик. С тобой, вероятно, пошлют квалифицированного специалиста.

– Спасибо. Ваш «специалист» может войти в раж и решить, что после ликвидации нашего знакомого нужно будет убрать и меня. Или в отношении меня на этот раз решение еще не принято? – иронично осведомился Дронго. – Сейчас со мной уже можно не церемониться. Я давно не сотрудничаю с Интерполом и даже не гражданин вашей страны.

– Не нужно так шутить, – нахмурился Владимир Владимирович. – Если бы можно было вычислить Кахарова без тебя, никто бы не стал к тебе обращаться. Но это невозможно. Он слишком хороший профессионал. Кроме того, прошло уже двенадцать лет. И все эти годы он не бездельничал. Как, собственно, и ты. Он совершенствовался, и мы даже не имеем понятия, до каких пределов. Это уже не тот полковник КГБ, каким он был в девяносто первом. Кахаров уже давно

стал профессиональным убийцей, наемником, умеющим зарабатывать деньги на своей квалификации. Кроме тебя, его никто не найдет. Ты бывший эксперт специального комитета ООН, бывший эксперт Интерпола. Кто должен искать Кахарова, если не ты? Можешь предложить другую кандидатуру?

– Еще немного, и я заплачу от волнения, – пробормотал Дронго. – Надеюсь, ваш «специалист» будет иметь четкие указания в отношении меня?

– Не смешно, – заметил собеседник, – я тебе уже все сказал.

– Мне разрешат посмотреть досье Кахарова? – уточнил Дронго.

– Да. Все документы, которые можно дать. Психологи подготовят также подробную разработку его психотипа. Тебе покажут гостиницу и выдадут билеты в оба конца, командировочные и гонорар. Можешь быть уверен, что все твои остальные условия тоже будут приняты.

– Так, – кивнул Дронго, – а теперь скажите мне главную фразу, которую вы должны мне сказать. Самую главную. Почему его нужно найти? Только не говорите, что его засекреченные операции двадцатилетней давности могут так интересовать американцев или англичан. Почему его нужно найти именно сейчас?

Владимир Владимирович поднялся и прошел на кухню. Послышался звон посуды. Через минуту он, прихрамывая, неторопливо вернулся в комнату. Сел на стул. Взглянул на

Дронго.

– С тобой трудно разговаривать, – признался он, – я так и думал, что ты задашь мне этот вопрос.

Дронго молча смотрел на него и ждал.

– На следующий год в Португалии пройдет чемпионат Европы по футболу, – сообщил Владимир Владимирович, – финальная часть. Будет много гостей. По сведениям англичан, Кахарову заплатили за проведение террористической акции. Ты представляешь, что будет, если акция удастся? Бывший сотрудник КГБ, полковник, замешан в террористической операции такого масштаба!

Сразу вспомнят, что и Карлоса Ильича, Шакала, тоже готовили в Советском Союзе. Припомнят и других «специалистов». Кому это нужно?

– И он приедет туда заранее? – удивился Дронго. – Но профессионалы так не поступают...

– На этом Кахаров и строит свои операции, – пояснил Владимир Владимирович. – Лично проверяет все маршруты и обстановку вокруг предполагаемых объектов. Учти, что он умело маскируется. Но проверяет все лично сам, никому не доверяет. У тебя будет несколько дней, чтобы его вычислить. Возможно, что тебе не удастся его найти. Тогда его начнут искать другие. Вот и все, что я должен был тебе сообщить.

– Какая у него была кличка? – неожиданно спросил Дронго. – Его последняя кличка в КГБ? Обычно профессионалы выбирают себе характерные клички.

– Судишь по себе? – усмехнулся Владимир Владимирович. – Твоя кличка уже стала нарицательной. Птица Дронго, которая умеет имитировать голоса других птиц и не боится хищников. В какой-то мере ты прав. Его кличка в КГБ была Сервал. Знаешь такое животное?

– Интересно, – задумчиво произнес Дронго. – Сервал – это длинноногая дикая кошка с большими торчащими ушами. Кахаров работал в Южной Африке?

– Да. Откуда ты знаешь про сервалов?

– У меня была знакомая в книжном магазине. Она мне дарила разные энциклопедии, которые я любил читать, – пояснил Дронго. – Поэтому я и знаю про сервалов и их длинные уши. Они умеют слушать и слышать.

– Мне иногда кажется, что ты успел прочитать все энциклопедии, которые только существуют на свете, – признался Владимир Владимирович. – Ты прямо как хороший компьютер. Нажимаешь кнопку и сразу получаешь ответ.

– Я уже устаревшая модель, – вздохнул Дронго, – могу только перерабатывать и выдавать информацию. Меня неправильно учили. Нужно было остаться в Баку, научиться воровать нефть и жить, как все остальные. Или открыть свой бизнес, зарабатывая на торговле с Турцией и Китаем. Или, приняв российское гражданство, устроиться в Москве на должность, где можно было бы брать взятки и считаться солидным человеком. Я не смог вовремя сориентироваться. И в результате вот уже полтора десятка лет занимаюсь поис-

ками негодяев по всему миру.

– Ты говоришь так, словно тебе неинтересно этим заниматься.

– Интересно. Честно говоря, о другой жизни я даже не думаю. Раз уж так получилось, значит, так и должно быть. Ведь по большому счету ничего другого делать я не умею. Когда вы познакомите меня с вашим «специалистом»?

– Завтра вечером. Я дам тебе адрес, и вы сможете с ним увидеться. Между прочим, он считает тебя легендой, не верит, что ты живой человек.

– Неужели он такой наивный? С его-то профессией...

– Увидишь, – пообещал Владимир Владимирович. – И учти, что на поиски Кахарова у тебя будет только три дня. Три дня в Лиссабоне, чтобы вычислить Сервала. Надеюсь, ты справишься.

– Может, легче проверить отпечатки пальцев всех делегатов конгресса? – спросил Дронго, но, увидев выражение лица своего собеседника, улыбнулся: – Понимаю, какой это вызовет скандал. А Кахаров сбежит сразу же, едва мы приступим к проверке. Но ведь нужно же было предложить для начала какую-то версию, хотя бы и такую невероятную... Так какой адрес вы мне назовете?

Глава вторая

Конспиративные квартиры существуют в любой разведке мира. И их много. На самом деле одну и ту же квартиру нельзя использовать больше одного раза, назначая там встречи какого-то конкретного агента с посторонним лицом. Иначе такая квартира может превратиться в одну общую западню. Именно поэтому на свидание со своим будущим напарником Дронго поехал в незнакомое ему место в Чертаново и долго искал нужный адрес – улицу Академика Янгеля, не решаясь расспрашивать прохожих.

Наконец, отыскав нужный ему дом, он вошел в подъезд, поднялся на третий этаж и долго прислушивался к звукам вокруг. Лишь через двадцать минут он спустился этажом ниже и осторожно нажал кнопку звонка. За дверью не было слышно ничьих шагов. Странно, что никто не подходит, чтобы открыть дверь, ведь они договорились на пять часов вечера. Или человек, с которым он должен был встретиться, опоздал? Но такого просто не может быть. По всем правилам конспирации неизвестный обязан был ждать Дронго в доме, придя сюда заранее. Заранее...

Он не услышал, а скорее вычислил и вслед за этим почувствовал появление кого-то у себя за спиной.

– Добрый вечер, – сказал Дронго, не оборачиваясь. – Вы могли бы появиться и не столь неожиданно.

И лишь затем он повернулся лицом к незнакомцу.

– Здравствуйте, – вежливо сказал тот, – я всегда прихожу заранее. За два часа до назначенного времени. Я ждал на лестнице. Просто когда вы пришли и встали на третьем этаже, мне пришлось подняться на четвертый.

Этого человека можно было принять за актера, музыканта, художника – неудачливого рефлексирующего интеллектуала. У него было худое вытянутое лицо Пьеро, подвижные глаза, узкий нос, нависший над тонкими губами. Он был похож на неврастеника или истерика, какими обычно бывают люди с тонкой конституцией тела и таким нервным взглядом печальных глаз. На вид ему было лет тридцать пять – сорок.

«Наверное, связной, – с разочарованием подумал Дронго, – хотя, с другой стороны...»

– Вы ждали два часа наверху? – спросил он недоверчиво. – Должен сказать, у вас отменное терпение. И прекрасная координация движений, если вы смогли спуститься так, что я вас не услышал.

– Возможно, – отозвался Пьеро, доставая ключи и открывая дверь. Он проделал все так ловко и бесшумно, словно занимался этим всю жизнь.

Дронго нахмурился. Неужели он ошибся? Они вошли в квартиру.

– Давайте знакомиться, – сказал Пьеро, – меня обычно называют Профессором.

– Вы – ликвидатор? – Дронго казалось, что его уже невоз-

можно удивить ничем, но будущему напарнику это удалось. «Неужели можно работать профессиональным убийцей с таким выражением лица? Неужели подобное возможно?»

– У нас нет ликвидаторов, – мягко улыбнулся его собеседник, – я всего лишь специалист по психологии человеческих отношений.

«Тоже мне врач-психоаналитик», – подумал Дронго и уточнил:

– Но вы решаете проблемы «по-сталински»? «Нет человека – нет проблемы»?

Профессор поправил галстук.

– Я думаю, вы всё понимаете. Термины не имеют в данном случае никакого значения.

Дронго прошел в комнату и сел на стул. Огляделся. Обычная двухкомнатная квартира. Профессор вошел следом и расположился на стуле, стоявшем напротив.

– Мы вместе поедem в Лиссабон, – сказал он, и это был не вопрос, а утверждение.

Дронго взглянул на руки собеседника. Тонкие, изящные пальцы, как у пианиста или скрипача. «И такой человек – убийца? Кажется, времена действительно изменились...»

– Это ваша первая командировка? – все еще не веря, спросил Дронго. Он видел в своей жизни много ликвидаторов, но такого не мог даже себе вообразить.

– Вы сомневаетесь в моей квалификации?

– Нет. Но я должен точно знать, с кем меня посылают на

другой конец Европы. По-моему, логично?

– Абсолютно. Если вам это действительно интересно, то я работаю в управлении уже семнадцать лет. Мне сорок два года. Начинал еще в восемьдесят шестом, когда мы входили в общую систему КГБ. Ничего больше рассказать не могу, и если вас интересуют другие детали...

– Семнадцать лет... – повторил как бы про себя Дронго. Он вдруг вспомнил, кого ему напоминает сидящий напротив человек. Актера Броуди, исполнившего главную роль в фильме Романа Полански «Пианист». Такое же выражение лица, поднятые брови, тонкие пальцы, мягкий, интеллигентный голос. – И вы работали за рубежом... – Дронго задумчиво разглядывал руки нового знакомого.

– Я должен вам ответить? – уточнил этот Пьеро.

– Нет. Разумеется, нет. Семнадцать лет. У вас хороший стаж. И вас оставили в управлении, несмотря на все изменения, происшедшие в вашем ведомстве?

– Меня долго готовили, – пояснил его собеседник, – и вложили в мою подготовку немало средств. Кажется, я слышал, что специалисты моей квалификации стоят столько же, сколько хороший истребитель.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Дронго. – Что вам рассказали обо мне?

– Много. Вы же знаете, как к вам относятся в нашем управлении. Многие считают, что вы легенда. Я даже не верил, что такой человек существует на самом деле. Говорят,

вы можете вычислить любого убийцу, любого преступника. Я не удивился, когда вы сумели меня вычислить и обратились ко мне, стоя спиной.

– Тоже мне граф Монте-Кристо, – пробормотал Дронго, – что тут было вычислять? Если вас не оказалось в квартире, значит, вы дежурили где-нибудь рядом. И я подумал, что вы можете оказаться за моей спиной. Хотя признаюсь, что такая выдержка меня поразила. Два часа стоять на этаже, ожидая моего появления, это совсем неплохо. Вы всегда так работаете?

– Стараюсь без проколов, – признался Профессор, – как и вы.

– Выходит, я старше вас на два года – мы почти ровесники... Итак, наши задачи четко определены: я вычисляю этого типа, а вы его незаметно убираете.

– Почему незаметно? – не понял Профессор. – Я сделаю это так, чтобы все выглядело как естественная смерть.

– Сейчас готовят и таких специалистов? Приятно это слышать. Можно задать вам еще вопрос, перед тем как мы начнем обсуждение нашей совместной командировки? – продолжил Дронго. – В ваших планах нет моего внезапного инсульта? Или какой-нибудь скоротечной чахотки?

Он смотрел прямо в глаза своему собеседнику. Профессор дрогнул и отвел взгляд.

– Нет, – не очень уверенно сказал он, – я ничего такого не слышал.

– Надеюсь, – пробормотал Дронго, – и хотя я не специалист по психологии человеческих отношений, но очень не люблю неожиданно умирать. Тем более в Португалии. Прекрасная страна!

Профессор слушал его, не меняя печального выражения лица. Он не стал говорить, что был раньше в Португалии, и уверять, что не получал никаких дополнительных указаний. Он просто сидел и смотрел на Дронго.

– Наверное, приятно уничтожить легенду собственными руками, – негромко прокомментировал ситуацию Дронго. – Хорошо. Пока оставим эту тему. Почему вас не послали одного? Разве вы сами не смогли бы вычислить этого Сервала?

– Не знаю, – ответил Профессор, – меня не посвящают в подробности. Мне только сообщили, что в Португалию я поеду с вами.

– Странно, – нахмурился Дронго. – Вам не кажется, что здесь очевидная несуразность?

– Нет. Мне пояснили, почему нас посылают вдвоем. Сервал никогда не бывает один. Он всегда действует с прикрытием. Это его характерный почерк. И если вас или меня вычислят, то его напарник уберет одного из нас не задумываясь. Найти террориста и уничтожить его – вот наша задача. И уничтожить его прикрытия.

– Значит, вы едете, чтобы меня прикрыть? – Дронго понял, почему его собеседник отводил глаза.

– Да, – кивнул Профессор. – В девяносто восьмом за Сер-

валом отправили нашего специалиста. Кахаров его вычислил и убрал. Тела не нашли.

– Убедительно, – согласился Дронго. – Мне приятно, что у меня будет такой напарник. С одной стороны, вы меня защищаете, с другой – можете гарантировать возможный инсульт. Просто «милый друг». Что еще полезного вы знаете про Сервала? Я пока не успел ознакомиться с его досье.

– Профессионал высочайшего класса, – начал перечислять Профессор, – умело организовал собственное исчезновение. Очень неплохо подготовлен...

– Представляю, – перебил его Дронго, – в КГБ умели готовить людей.

– Безусловно, – без тени иронии согласился Профессор и продолжил: – Он работал на юге Африки, затем в странах Латинской Америки. Был специалистом второго отдела в Первом главном управлении.

– Первый отдел ПГУ занимался США и Канадой, а второй – Латинской Америкой, – припомнил Дронго.

Его собеседник кивнул в знак согласия.

– У вас хорошая память, – сказал он, – Сервала использовали по линии поддержки нелегалов. Затем он перешел в управление «Т». На его счету было несколько успешно проведенных операций. В восемьдесят седьмом его прикрепили к новому управлению, созданному в ПГУ. В девяносто первом отправили в Таджикистан. Когда в декабре был зафиксирован распад страны, он находился у себя на родине. Че-

рез полтора года, уже после того, как там началась война, он исчез. У нас предполагали, что такой специалист не мог исчезнуть просто так, но тогда оперативную проверку не проводили, не считали нужным.

– Вот так вы потеряли не только лучших сотрудников, но и всю страну, – жестко заметил Дронго. – Всем было наплевать на всех. Я помню, как ваш бывший президент громогласно предлагал брать столько суверенитета, сколько кто сможет. Чем это кончилось, вы знаете. В Чечне стреляют до сих пор.

– У меня есть приказ помочь вам найти Сервала и уничтожить его, – невозмутимо заявил Профессор. – Все остальные факты его биографии мне нужны постольку, поскольку они могут помочь нам в его розыске. Сервал дважды проходил специальную подготовку, в том числе и на Кубе. Прекрасно владеет пятью языками, обладает способностью к перевоплощению, всегда имеет прикрытия.

Причем – и это еще одна его особенность – он обычно очень умело вербует людей в качестве собственных помощников. Отлично стреляет.

– Он работал в Европе? – неожиданно спросил Дронго.

– Нет, – Профессор явно заинтересовался вопросом, – а вы думаете, что работа в Европе отличается от работы в других странах?

– Несомненно. Здесь более тесно сотрудничают спецслужбы и Интерпол. В Латинской Америке они действуют намного примитивнее и грубее. Топорно, если хотите. А ему там

могут помочь и добровольцы из местных революционно настроенных ребят. Насколько я понял, его видели в Африке и на Ближнем Востоке. И он впервые решил попробовать себя в Европе?

– Похоже, что так, – согласился Профессор. – Мы получили известие, что он прибудет в Лиссабон через четыре дня. В Португалии состоится Международный конгресс ВОЗ по вопросам борьбы с атипичной пневмонией. Мы не знаем, под каким прикрытием туда прибудет Сервал. Но он будет там почти наверняка. Возможно, что полученные сведения и не подтвердятся, но мы обязаны проверить. Заседания конгресса продлятся три дня. По данным из Интерпола, Сервал лично прибудет в Лиссабон для проверки. Активные действия планируется осуществить во время финальной стадии чемпионата Европы по футболу в будущем году. Это тоже его стиль. Он обычно лично осматривает место предполагаемого террористического акта.

– Для такого профессионала это неудивительно. «Мы в ответе за тех, кого приручили» – так, кажется, писал Сент-Экзюпери. Похоже, люди, управлявшие нашей общей страной в конце восьмидесятых, не читали эту книгу. И много других хороших книг тоже.

– Я вас не понимаю. – Профессор впервые за время разговора чуть нахмурился.

– И необязательно понимать. Вам повезло, мой новый друг. У вас не было в жизни тех проблем, которые были у

меня. Не обращайтесь внимания. У меня случаются приступы меланхолии. Это «кризис среднего возраста». Вы что-нибудь можете рассказать о делах Сервала, проведенных им уже после исчезновения?

– Да. В девяносто четвертом он взорвал корабль, пришвартованный в порту Лагоса, в Нигерии. Там планировалось открытие нового портового терминала. Церемонию неожиданно перенесли, и взрыв произошел в тот момент, когда вокруг судна находились только сотрудники порта. Погибли тридцать два человека. Прибывшие на место полицейские оцепили порт и терминал. От взрыва должны были погибнуть американский посол и министр экономики Нигерии. Министр и был главной целью нашего знакомого.

– Выходит, Сервал ошибся? Специалисты такого класса обычно редко ошибаются...

– Конечно нет. Министр экономики приехал на место взрыва через три часа. И тогда раздался еще один взрыв. Бомба взорвалась в самом здании терминала. Министр и все сопровождавшие его погибли. Сорок два человека.

После первого взрыва полицейские посчитали, что угроза миновала и американского посла удалось спасти. Но Сервал знал, что министр приедет в порт в любом случае – или на открытие терминала, или после случившегося. Он умело просчитал ситуацию. Вторая бомба была мощнее. Я думаю, что Сервал нарочно спланировал первый взрыв, чтобы после прибытия людей на место трагедии провести второй.

– Любопытно, – заметил Дронго. – В свое время несколько специалистов бывшего КГБ очень умно продумали покушение на президента Грузии Шеварднадзе. Они убили его друга, ожидая, что президент обязательно приедет на похороны. И заранее заложили взрывное устройство под кабину лифта в доме погибшего. Но Шеварднадзе, подъехав к дому своего друга, решил подняться по лестнице, которая находилась с другой стороны. И этим случайно спас себе жизнь. Организовать ложный взрыв, чтобы затем провести настоящий... Очень неплохая идея, очевидно, разработанная в недрах вашей аналитической службы. Что еще?

– В девяносто восьмом Сервал организовал нападение на группу сотрудников ООН в Анголе. Всего похищенных было трое, женщину потом отпустили. Двоих дипломатов так и не нашли. Ангольское правительство не захотело пойти на уступки террористам, и дипломаты пропали. Хотя посредническую миссию готовы были взять на себя спецслужбы ЮАР и Намибии. Но дипломатов, очевидно, убили.

– Он еще и галантный рыцарь, – мрачно заметил Дронго, – отпускает женщин. Или нет?

– Нет. Насчет галантности не получается. Женщину – она была переводчицей – его люди изнасиловали, перед тем как отпустить.

– Понятно. С кем поведешься... Что еще хорошего вы мне расскажете?

– Будет лучше, если вы сами все прочтете. Досье нельзя

выносить из нашего архива, поэтому завтра за вами придет машина, и вы сможете более подробно ознакомиться с его послужным списком.

– Почитаю, – пообещал Дронго. – Еще один вопрос. Он работал в ПГУ до девяносто первого года. Вы работали с восьмьдесят шестого. В течение пяти лет вашей совместной службы вы могли его видеть. Или слышать о нем. Вы с ним никогда не встречались?

– Нет, – улыбнулся Профессор, – это было бы слишком просто. Я его никогда раньше не видел. И он меня тоже. Я думаю, что меня не послали бы с вами в Португалию, если бы в свое время, выполняя задание, мы с ним могли хотя бы случайно оказаться в одном здании или даже в одной стране. У специалистов нашей квалификации такая же хорошая память, как и у вас, господин Дронго.

– Ясно. – Дронго поднялся. – Во время конгресса вы будете «врачом»?

Профессор понял его иронию:

– Я буду делегатом от Доминики. У кого нет средств на посылку собственных специалистов, обычно просят представлять их интересы кого-нибудь из соседних стран. Думаю, что в этот раз они попросят меня.

– И как вас будут звать?

– Рауль Бельграно. Я из Аргентины, но последние годы живу во Франции.

– Приятно было с вами познакомиться, сеньор Бельграно!

Вы случайно не знаете, как будут звать меня?

– Так, как вас и зовут, – пожал плечами Бельграно. – Вам ведь не нужно ничего придумывать. Весь мир знает вас под кличкой Дронго и никто не знает вашего настоящего имени. Вы можете быть делегатом из Баку, это не вызовет особых подозрений. Остается только согласовать вопрос с вашим отделением Интерпола и руководителем местной разведслужбы. Если, конечно, они не будут возражать.

– Не будут, – улыбнулся на прощание Дронго, – необязательно посвящать в детали многих людей. Достаточно, если вы согласуете вопрос с руководителем разведки. Позвоните в Баку и найдите его. Он знает меня лично. Я думаю, все вопросы можно будет решить в течение одного дня.

– Это сделают другие люди.

– Не сомневаюсь. До свидания. До встречи в Лиссабоне.

Дронго направился к выходу. У двери он задержался:

– И еще одна личная просьба. Если вдруг вы случайно получите приказ о моей ликвидации, то скажите мне об этом. Я не убегу, вы же знаете, что бежать мне некуда. Я прекрасно помню ваши негласные правила. Убирают и того, кого находят, и того, кто ищет. Иногда убирают и тех, кто убивает первых и вторых. Для большей страховки. Поэтому и прошу: предупредите заранее. У меня есть кое-какие дела, которые я должен закончить.

Он повернулся и, не дожидаясь ответа, вышел из квартиры, мягко прикрыв за собой дверь. Профессор с печальным

лицом Пьеро остался стоять у стола, не проронив ни слова.

Глава третья

Он любил приезжать в этот город. Какое-то щемящее чувство ностальгии охватывало Дронго, стоило ему задуматься о Лиссабоне. Небольшая европейская столица, расположенная на самом краю Европы, была некой крайней точкой той цивилизации, которую он так любил и понимал. Необъяснимым образом Лиссабон напоминал ему родной Баку – город его детства.

Дронго не раз пытался анализировать, что же так влекло его сюда. Внешне на Баку был больше похож Неаполь с его характерным расположением полукругом по берегу залива и кварталами домов, террасами, уходящими от самого моря вверх. Казалось бы, в Лиссабоне все было другим. Если в Баку солнце вставало над морем, то здесь, на берегу Атлантики, оно погружалось на закате в океан, а поднималось утром над сушей с той стороны, где раскинулась опасная для португальцев соседка – сиятельная Испания.

Зато в Лиссабоне сразу ощущалось столь характерное для родного города Дронго времен его детства смешение стилей и языков. На здешних улицах можно было услышать не только португальскую или испанскую речь. Как, собственно, и в любом другом городе Европы, в столице Португалии также говорили по-английски и по-французски, по-итальянски и по-немецки. А кроме того, в общую симфонию звуков впле-

тались языки арабских выходцев из Магриба и гортанные наречия других народов Африки, довольно широко представленных в городе.

Возможно также, что все дело было в том впечатлении, которое производили на Дронго дома на площади вокруг памятника маркизу Помбалу? Своей архитектурой, в которой сочетались элементы модерна и конструктивизма, они удивительно походили на некоторые здания в его родном городе. А может быть, продувающий лиссабонские холмы вечный ветер напоминал ему Баку, в котором почти всегда ощущался свежий бриз? Или же открытость, добросердечие и щедрость местных жителей делали очень близкой для него саму атмосферу столицы Португалии? Таким был и его родной Баку до середины семидесятых, пока все не начало неумолимо меняться...

Вполне вероятно, его привлекал и некий налет провинциализма, который явственно ощущался в этой бывшей столице огромной империи, ставшей в силу различных геополитических обстоятельств обычным европейским городом на краю континента. А ведь Лиссабон знавал и лучшие времена. Сам Папа Римский в свое время разделил между Португалией и Испанией весь земной шар. И случилось это пятьсот лет назад, когда ведущие европейские державы только выходили из средневекового варварства. Однако ни одной империи в истории не удавалось надолго сохранить себя и свое могущество. Уже через семьдесят лет Португалия будет ок-

купирована Испанией и перейдет в разряд второстепенных государств, не особо влияющих на европейскую политику. Шесть десятилетий продлится господство над Португалией соседней державы. Позже в результате народного восстания страна сумеет вернуть себе свободу. Но, увы, не былое величие.

Дронго подумал, что подобное ощущение упадка исподволь закрадывалось ему в душу и при взгляде на родной Баку. Ведь этот некогда четвертый или пятый по значению город великой державы прямо на его глазах неумолимое время превращало в рядовую столицу провинциального государства, откуда поспешили уехать более половины всех бывших жителей. И который теперь становился для Дронго другой точкой отсчета на прямо противоположном краю Европы.

В аэропорту проходила регистрация прибывших на конгресс. Дронго выдали направление в гостиницу «Алтиш», расположенную в центре города. От нее, пройдя метров пятьсот, можно было подняться к площади Помбала. Затем, спустившись по центральному и самому красивому проспекту Лиссабона – авениде Либертадорес, выйти к старому центру города, основная застройка которого была завершена маркизом Помбалом еще в восемнадцатом веке – после случившегося тогда землетрясения.

Приехав в отель, он довольно быстро получил номер и,

приняв душ, решил немного отдохнуть. Дорога до Лиссабона, так далеко находящегося от основных европейских центров, была довольно утомительной. Сказывалась и смена часовых поясов. Лиссабон привычно жил по лондонскому времени.

Дронго проспал до вечера, закрыв шторы на окнах и повесив на двери табличку с просьбой не беспокоить его. Проснулся он только к семи часам, но еще сорок минут лежал с открытыми глазами, глядя на задернутую занавеску на окне и то включая, то выключая светильник в изголовье кровати. Хотя сюда и доносились кое-какие звуки с улицы, находящейся с другой стороны здания, в номере было довольно тихо. Дронго подумал, что нужно подняться и еще раз встать под горячую воду, чтобы окончательно проснуться. Будучи южанином, он не жаловал холодный душ, не любил купаться в прохладной морской воде и гораздо лучше переносил любую жару, чем холод. Выключив в очередной раз свет, он в полной темноте поднялся, нашел босыми ногами тапочки и прошел в ванную комнату. По дороге Дронго на ощупь зажег небольшую настольную лампу на тумбочке у стены.

В ванной, стоя под обжигающими струями, он задумался. «Что со мной происходит? Мне уже сорок четыре года. Кажется, кризис среднего возраста должен давно пройти. Или сейчас его характерный пик?»

Сорок четыре года представлялись Дронго неким магическим числом. Именно в этом возрасте умер столь горячо лю-

бимый им Чехов. На портретах и рисунках писатель выглядел уставшим стариком. А умер таким молодым! Он, возможно, даже и не подозревал о кризисе среднего возраста. Для него это был предельный срок, отпущенный ему в этом мире. И умер Антон Павлович как-то необычно. Попросил шампанского, выпил, сказал, что умирает, и умер. Как будто устроил из собственной смерти небольшую пьесу в типично чеховском стиле, откуда и появился весь мировой экзистенциализм.

На сорок четвертом году ушел из жизни и великий французский писатель Ги де Мопассан, оставивший в наследство человечеству удивительные этюды нравов французской жизни времен Второй империи и Третьей республики.

«Почему мне так тяжело? – продолжал размышлять Дронго. – Или мне неприятно думать о предстоящей работе?» Да нет, работа как работа. Немного опасная, как обычно. Но это издержки профессии. Шансы, что его решат убрать, не очень велики. Все-таки в Интерполе знают, зачем он прилетел в Лиссабон, – не просто развлекаться. И ведь так уже было. Словно повторяется дурной сон...

Тогда его тоже просили принять участие в одном проекте – «Экспресс-2000». Прошло три года. А кажется, что это было давным-давно, еще в прошлом веке. Невероятное путешествие через всю Европу, таинственные убийства, два месяца напряженных поисков загадочного преступника... И все же он вычислил убийцу. А куда полетел потом? Семнадцато-

го июля он вылетел из Берлина через Франкфурт домой. Но уже через несколько дней был в Монте-Карло. Кажется, тогда он вызвал туда Джил с сыном, и они все вместе уехали из Монако в Италию. По дороге в Геную, помнится, сложилась забавная ситуация, когда вагоны первого класса заполнили горластые американцы, очевидно из туристической группы. На всех мест явно не хватало, и многие устроились прямо на полу. Было смешно и тесно. Они с Джил весело смотрели друг на друга и все время смеялись.

Да, три года назад он совершил путешествие из Лиссабона в Москву и обратно в Берлин чуть ли не через все европейские столицы. Интересно, что произошло потом с участниками того путешествия? О некоторых он читал в газетах, узнавал из сводок европейских новостей... Но тогда было неизмеримо легче. На то, чтобы вычислить возможного убийцу, у него было два неполных месяца. Сейчас нужно сделать почти то же самое за три дня. В Лиссабон ожидается приезд более чем ста тридцати делегатов из разных стран. Среди них должен находиться и Сервал. Если учесть, что более половины участников конгресса – люди того же возраста, что и Кахаров, то вычислить нужного будет очень сложно. Почти невозможно.

«А если учесть, что среди делегатов будет и этот Пьеро... – Дронго грустно усмехнулся про себя, – он ведь, черт бы его побрал, будет смотреть на меня своими грустными глазами и ждать сигнала. Любопытно, как он себя поведет,

если я этого сигнала ему не дам?» – Дронго не додумал эту мысль и вернулся к анализу задания.

Ему предстояло очень внимательно приглядеться ко всем участникам конгресса. Кахаров должен сделать одну небольшую ошибку – нигде не появляться в одиночку. Рядом с ним должны быть люди – один, двое, трое. В общем, подстраховывающие его помощники. И еще важный момент: даже если Кахаров решился на пластическую операцию, чтобы полностью изменить внешность, ему все равно вряд ли удастся выдать себя за достаточно молодого человека. Сервалу шестьдесят четыре года. Значит, нужно искать среди белых мужчин в диапазоне от сорока пяти до восьмидесяти лет.

«Надеюсь, он не станет перекрашиваться в негра, – думал Дронго, выходя из ванной и вытираясь большим банным полотенцем. – Хотя Майкл Джексон, кажется, сумел поменять пигментацию своей кожи. Но одно дело эксцентричный миллионер из шоу-бизнеса, а другое – такой солидный человек, как Кахаров. Над ним же начнут смеяться. А это самое худшее, что может случиться с профессионалом. Террорист, не вызывающий уважения у своих богатых заказчиков, неизбежно теряет заказы и, как правило, средства к существованию. Ведь ничего другого он делать не умеет. И ничему другому в своем возрасте уже не научиться».

Одевшись, Дронго взял папку с материалами, выданную ему как участнику конгресса, и начал изучать состав делегатов. По именам понять что-либо было трудно. Не указывал-

ся даже год рождения того или иного делегата. Что уж говорить о внешности... Нет, эти материалы ничего не могли ему дать. Дронго нахмурился и достал свой ноутбук. Нужно будет войти в Интернет и более детально изучить личные данные участников. В наши дни во всех пятизвездочных отелях уже стало традицией, что здесь можно прямо из своего номера подключиться к Интернету. Список гостей, появившийся на экране его компьютера, содержал более развернутые сведения. Дронго принялся проверять его, обращая внимание на всех мужчин старше сорока лет. Как и следовало ожидать, больше половины участников конгресса составляли мужчины. Семьдесят шесть из ста тридцати двух. Из них пятьдесят восемь человек были в возрасте от сорока лет и старше. Несколько человек Дронго исключил сразу – ученых с мировым именем, министров европейских правительств, двух лауреатов Нобелевской премии и высших руководителей ВОЗ, которые были известны всем собравшимся на встречу. Конечно, Сервал мог, приняв с помощью грима или пластической операции облик кого-то из европейских светил, оказаться в числе известных людей. Но в этом случае риск для него был слишком велик. Многие прибывшие в Лиссабон были давно знакомы между собой, знали семьи своих друзей, бывали друг у друга в гостях. В этой ситуации подставиться было легче легкого. Кроме того, нужно достаточно хорошо владеть тематикой предстоящего конгресса, посвященного борьбе с атипичной пневмонией. А это предпола-

гает не поверхностные сведения для поддержания общей беседы, а глубокие познания человека, который намеревался выступить здесь с докладом.

Таким образом, из пятидесяти восьми человек осталось только тридцать шесть делегатов из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Был тут и прибывший из Аргентины врач, представлявший Доминику, – сорокадвухлетний профессор Рауль Бельграно. Прочитав это имя, Дронго усмехнулся и вычеркнул Бельграно из списка. Затем он удалил и свою фамилию, оставив только тридцать четыре кандидата, среди которых мог оказаться Сервал.

Закончив работу, он привычно уничтожил все лишнее, кроме своего списка, пометив имена в нем своим личным шифром. Чтобы войти в его ноутбук, нужно было знать сложный пароль из нескольких букв и цифр. В случае, если бы неведомый взломщик сумел каким-либо образом обойти пароль и включить компьютер, вся информация, содержащаяся в памяти ноутбука, была бы мгновенно стерта. Но даже если что-то из текстов удалось бы восстановить, то прочесть личный шифр Дронго было бы невозможно. Никакой особой информации Дронго, разумеется, не стал бы вносить в ноутбук, который всегда находился в его номере и путешествовал с ним по миру. Список участников конгресса, который смотрел Дронго, был роздан всем прибывшим гостям, и в нем не было ничего необычного. А отмеченные фамилии хранились на другом файле, где нужные Дронго участники конгресса

обозначались специальным шифром. Получалось, что, кроме самого Дронго, никто не смог бы прочесть, а прочитав, понять, что именно отмечал хозяин компьютера. И тем не менее, покидая номер, он каждый раз убирал свой портативный ноутбук в чемодан, который, в свою очередь, закрывал на замок с известным только ему кодом, чтобы максимально усложнить задачу возможному взломщику.

Переодевшись в легкий светлый костюм, Дронго повязал галстук и вышел из номера. «Нужно будет изменить свои привычки», – подумал Дронго. Пришел час отказаться от «Фаренгейта», пристрастие к которому стало слишком известным и который часто выдавал его своим характерным ароматом. Отказаться от обуви и ремней «Балли», на которые сразу обращали внимание женщины. И от костюмов от Валентино. Костюмы от Ива Сен-Лорана, которые он когда-то любил, Дронго уже давно не покупал. Компания Сен-Лорана, переживая не лучшие времена, продавала свою марку различным исполнителям, а их продукция не всегда была образцом того качества, к которому уже привыкли покупатели. Постепенно фирменная марка «Ив Сен-Лоран» превращалась в такой же ширпотреб, в какой превратились костюмы от Пьера Кардена, также разрешавшего использовать свой фирменный логотип слишком многим производителям.

Спустившись вниз, в просторный холл, Дронго решил уточнить, как организовано питание делегатов. Нельзя

слишком выделяться и обедать в тех ресторанах Лиссабона, которые он знал по своим прежним командировкам в Португалию. Для всех участников конгресса его визит в Лиссабон должен выглядеть как первый: он никогда раньше не бывал в Португалии и не знает, где можно хорошо поужинать. Не говоря уже о том, что обычный участник встречи врачей не может тратить свои деньги на подобные развлечения. Хотя ради справедливости надо отметить, что стоимость ужина в Португалии обычно составляет не больше пятнадцати-двадцати долларов, а знаменитая поговорка «Хорошо поесть – это не значит дорого заплатить» родилась именно в Лиссабоне.

Дронго подошел к портье и выяснил, что сегодняшний ужин будет в баре «Фернандо» на последнем этаже отеля. Он повернулся, собираясь отойти, и увидел в другом конце холла молодую женщину. Сказать, что она была красивой, – значит не сказать ничего. Дронго замер.

Есть женщины, глядя на которых сразу вспоминаешь о первородном грехе. Есть женщины, одно присутствие которых успокаивает и смягчает нравы. А есть такие, при взгляде на которых в воображении возникают самые невероятные сексуальные фантазии...

Рассматривая молодую женщину в окружении нескольких участников конгресса, Дронго сначала предположил, что это переводчица. Но она говорила слишком уверенно и громко для вспомогательного работника, а стоявшие рядом с ней

очень внимательно ее слушали. «Наверное, она из штаба по организации конгресса». Дронго решил подойти ближе.

Женщина была высокого роста. Нос с небольшой горбинкой, миндалевидные глаза, чувственный рот с пухлыми губами, темные блестящие волосы, довольно большая грудь. На вид ей было около тридцати. Элегантное темно-серое платье выгодно подчеркивало ее фигуру.

Если бы незнакомка говорила на местном наречии, у него не было бы никаких шансов. Португальского языка он не знал. Но молодая женщина говорила по-английски, и он вслушивался, пытаясь по акценту определить, из какой страны она могла приехать. Но ее английский был безупречен. Дронго сделал еще несколько шагов. Да, именно при взгляде на такую женщину мужчины и вспоминают о своих порочных наклонностях.

Молодая женщина обернулась на Дронго, чуть дольше положенного задержала на нем взгляд и затем, отвернувшись, продолжила говорить. Еще немного приблизившись, он услышал, о чем шла беседа. Они обсуждали, когда начнутся заседания и кто будет выступать от группы африканских стран.

«Неужели она приехала из какой-то африканской страны?» – в недоумении подумал Дронго.

Молодая женщина закончила говорить. Ее слушатели – несколько делегатов, в основном темнокожих, – разошлись. И только тогда женщина снова взглянула на Дронго. Он

обычно не носил регистрационные карточки, которые прикрепляются к лацкану пиджака. У незнакомки такая карточка была. Дронго попытался прочитать имя и страну ее владелицы и сделал еще шаг по направлению к ней.

– У меня такое ощущение, что мы с вами уже встречались, – сказала женщина.

Дронго усмехнулся.

– Обычно так начинают знакомство мужчины, – пояснил он. – Возможно, мы виделись на предыдущих конференциях, хотя я в них участвовал только в качестве гостя. – Он сказал это намеренно. С одной стороны, гостей не регистрировали на официальных сайтах, а с другой – такое сообщение было гарантией его возможного алиби.

Но женщина улыбнулась и покачала головой, не приняв его подсказки.

– Нет, – сказала она, – я никогда не бывала раньше на подобных мероприятиях. Этот конгресс для меня первый.

– И вы впервые в Лиссабоне? – улыбнулся Дронго.

– Нет, – снова не приняла его подсказки женщина, – я хорошо знаю Лиссабон, бывала здесь несколько раз в детстве. У меня отец бразилец, и все его предки родом из Лиссабона.

– Вы бразильянка? – спросил Дронго.

– Нет, – в третий раз не согласилась она. – Только по отцу, и то наполовину. Его мать была из Родезии, так тогда называли нашу страну. Она происходила из идебеле, это одна из основных народностей, населявших страну еще в древности.

А моя мать англичанка по отцу и голландка по матери.

– Прекрасная наследственность, – сказал Дронго. – Но я боюсь задать вам еще какой-нибудь вопрос, чтобы не услышать в четвертый раз «нет». Вас зовут...

– Зулмира Машаду, – ответила женщина, чуть улыбнувшись. – Почему вы не носите свою регистрационную карточку?

– Ношу, но в кармане. – Дронго достал карточку и протянул ее женщине.

Она прочла его имя и фамилию:

– Очень приятно. Никогда не бывала в ваших местах. Вы с Кавказа? Говорят, у вас очень красиво.

– Так же, как и у вас в Зимбабве. – Название страны он прочел на ее карточке. – Я думал, что в вашей стране уже не осталось белых. Извините меня за откровенность.

– Да, – тихо согласилась Зулмира, – это большая проблема. Но родословная моей бабушки позволяет мне все еще оставаться в Зимбабве и представлять ее интересы в такой солидной организации, как наша.

– В таком случае я должен лично поблагодарить вашу бабушку за ваш приезд в Лиссабон, – пошутил Дронго.

– Боюсь, что это невозможно. Она умерла, когда мне было пятнадцать лет.

– Очень сожалею. Вы остановились в этом отеле?

– Да. Здесь поселили почти всех участников конгресса. По-моему, здесь неплохо. Нам обещали интересные экскур-

сии.

– Очень хорошо, – улыбнулся Дронго. – Значит, я просто обязан находиться рядом с вами. Ведь вы, должно быть, знаете не только английский, но и португальский – язык вашего отца.

– А еще голландский и немецкий, – рассмеялась женщина.

У нее были красивые ровные зубы. И, несмотря на очень высокий рост Дронго, она, стоя рядом, доставала головой почти до его подбородка. «Такая женщина могла бы участвовать в конкурсах красоты, – подумал он. – Ее рост не меньше ста семидесяти сантиметров. Возможно, даже чуть больше».

– Вы идете на ужин? – уточнил Дронго.

– Обязательно, – ответила она. – Пойдемте вместе. Я обратила внимание, что среди участников конгресса очень мало людей вашего возраста.

– Сюда прибыли в основном люди зрелые, крупные специалисты, имеющие большой опыт в области медицины, – сказал Дронго. – Вы знаете, как перепугался весь мир, когда эта болезнь впервые появилась в Азии. Считалось даже, что китайцы ее специально придумали. По-моему, весь год мир боялся только двух вещей: этой болезни и террористов.

Зулмира взглянула на него и неожиданно широко улыбнулась.

– Чего боитесь лично вы? – спросила она.

– Не знаю, – ответил Дронго, – но, кажется, в данный момент я боюсь только ваших глаз.

– Идемте, – сказала она, взяв его под руку. – Как приятно встретить здесь такого галантного кавалера! Но вы не ответили на мой вопрос...

В это время они вошли в лифт, и Дронго, повернувшись, внутренне вздрогнул. Рядом стоял его напарник. У Пьеро появились очки, придавшие его одухотворенному облику законченный «университетский» вид. «На его примере хорошо тренировать будущих разведчиков, наглядно демонстрируя, как внешний облик может не совпадать с внутренним содержанием», – подумал Дронго, отворачиваясь от Профессора.

Они оба сделали вид, что даже не знакомы.

Глава четвертая

Заняв столик в самом углу, они уселись рядом друг с другом. Дронго обратил внимание, что его спутница положила себе в тарелку жареное мясо. Обычно женщины в ее возрасте и при ее комплекции боятся злоупотреблять мясными блюдами, предпочитая салаты или легкие закуски. Очевидно, Зулмира заметила удивление на его лице.

– Обожаю мясо, – сказала она, – и не могу себе в этом отказать. Вы, наверное, считаете, что мне нужно соблюдать диету? Но у меня очень хороший аппетит, и я почти не прибавляю в весе. Все калории сжигаются сами по себе. Говорят, что есть люди, которые не толстеют, сколько бы они ни ели. Видимо, я к таким и отношусь. Я ем ужасно много, но не поправляюсь. Это плохо, как вы считаете?

– Это прекрасно, – поддержал ее Дронго, отрезая поджаристый кусок бифштекса. – Только вы любите мясо с кровью, а я – хорошо прожаренное. Между прочим, совсем недавно группа французских интеллектуалов обратилась к Папе Римскому с просьбой исключить грех чревоугодия из числа смертных грехов. Они убеждены, что гурманы не обжоры и их нельзя причислять к грешникам.

– Папа согласился? – участливо поинтересовалась Зулмира, стараясь не рассмеяться.

– Нет, – вздохнул Дронго, – по-моему, он даже не принял

всерьез это обращение.

Они улыбнулись друг другу.

– Вы сознательный грешник или всего лишь человек, не умеющий сдерживаться? – Зулмира облизала языком свои пухлые губы.

– Скорее человек, не умеющий сдерживаться, и поэтому грешник, – ответил Дронго.

– Только в еде? – лукаво спросила женщина.

– Не только.

Ему было приятно и интересно разговаривать с этой незнакомкой. Есть женщины, с которыми всегда легко и просто. Не нужно ничего выдумывать, пытаться выглядеть умнее или лучше. Вы с первого мгновения ведете себя естественно, понимая, что это единственный способ продлить дальнейшее общение.

В какой-то момент он заметил за столом в середине зала Пьеро. Тот отвечал что-то на вопрос пожилого мужчины лет семидесяти, сидевшего рядом с ним. Дронго обратил внимание, что все соседи его напарника были людьми достаточно пожилыми. Он почувствовал себя несколько неловко. Было полное ощущение собственной никчемности. Ведь, приехав сюда для работы, он, получается, использует это время для флирта с понравившейся ему молодой женщиной. Дронго тяжело вздохнул. Принять Зулмиру Машаду за шестидесятичетырехлетнего Мумина Кахарова можно было только при наличии очень буйной фантазии. «Он сделал пластиче-

скую операцию, – попытался иронизировать Дронго сам с собой, – пересадил себе силиконовую грудь, закачал гель в губы, получил хирургическим путем новый, красивый разрез глаз, изящный носик с горбинкой. Вот, правда, рост у него должен быть гораздо меньше, чем у этой молодой женщины. Впрочем, это тоже не проблема. Можно вспомнить, как в Чиклане в прошлом году один тип уже выдавал себя за Дронго, сумев нарастить кости на ногах по методу профессора Илизарова... – Дронго взглянул на красивую молодую женщину рядом с собой. – Кажется, я совсем схожу с ума.

Если это Кахаров, то я Монтсеррат Кабалье. И все же подозревать придется многих. Мой список может оказаться далеко не полным. Сервал способен загримироваться под любого известного деятеля Всемирной организации здравоохранения. Но на пластическую операцию просто так не пойдет. Иначе ему придется делать такие операции после каждой удачно проведенной акции. Похоже, мой напарник прав. Нужно искать преимущественно среди людей пожилого возраста. И с характерной азиатской внешностью. Или Кахаров не станет так рисковать?»

– Я видел, как вы говорили с представителями африканских стран, а других делегатов конгресса вы знаете?

– Почти никого, – ответила она, – хотя некоторых я видела раньше. Например, Уильяма Митчелла. Он из Южно-Африканской Республики. Очень хороший специалист.

– Не сомневаюсь, – кивнул на всякий случай Дронго. Но

не стал говорить, что много слышал о Митчелле. Это могла быть ловушка. — Я не всех здесь знаю, — честно признался Дронго, — но вот Вармуса и Бишопа, получивших свои Нобелевские премии в восемьдесят девятом, я знаю. Читал их труды. — Перед тем как приехать в Лиссабон, он изучил биографии всех нобелевских лауреатов в области медицины за последние пятнадцать лет.

Однако женщина медленно покачала головой:

— Я о них только слышала, но ни разу в жизни не видела.

— Но, возможно, вы знакомы с Олтменом? — Дронго сознательно назвал первую попавшуюся фамилию, чтобы проверить, как отреагирует его собеседница.

Зулмира снова покачала головой:

— А про него никогда и не слышала.

Это его вдохновило. Если бы она ответила иначе, ему пришлось бы прекратить разговор и больше с ней не встречаться. Или встречаться только для того, чтобы понять, почему на конгресс приехала женщина, которая готова согласиться с его очевидной ложью. Но она не согласилась. Хотя если бы согласилась, то и тогда это не было бы решающим доказательством. Мужчина и женщина часто лгут друг другу в процессе знакомства, и если партнер соглашается с заведомой ложью, то это не значит, что он собирается предать. Возможно, это просто обычная игра в поддавки, чтобы лучше узнать друг друга. Но Дронго приехал в Лиссабон не для того, чтобы поиграть с этой прекрасной сеньорой.

Если она раньше не бывала на конференциях медиков, то могла и не знать большинства присутствующих здесь людей. В зале ресторана было человек семьдесят – очевидно, остальные должны были приехать сегодня ночью или завтра утром. Возможно, что некоторые предпочли отдых с дороги плотному ужину. Дронго взглянул в сторону напарника. Пьеро улыбался своим собеседникам, но внимательно следил и за столиком коллеги. «Нужно найти повод выйти из-за стола, – подумал Дронго, – чтобы переговорить наедине с ним».

Он подцепил вилкой салат и, поднося ко рту, расчетливо уронил его себе на колени.

– Черт возьми, – огорченно произнес Дронго. – Извините. Мне, кажется, нужно выйти.

– Конечно, – улыбнулась Зулмира.

Он поднялся и пошел к выходу. Видя, что Пьеро внимательно наблюдает за ним, Дронго остановился у его столика и громко спросил одного из официантов, где можно помыть руки.

– Туалетные комнаты находятся слева по коридору, сеньор, – ответил официант.

Дронго вышел из зала и свернул к туалету. Толкнув дверь, он вошел в помещение. Осмотрелся. Одна кабинка была закрыта. Дронго подошел к умывальнику, открыл воду. И почти тотчас же дверь за его спиной распахнулась, и он увидел в зеркале входящего сеньора Бельграно. Тот прошел к со-

седнему умывальнику и встал рядом с Дронго, который тщательно оттирал салфеткой пятно на брюках.

– У меня триста четвертый номер, – шепотом сообщил он. – Я проверяю сразу троих.

– Их не меньше тридцати, – очень тихо, почти не разжимая губ, отозвался Дронго. – Я передам вам список. До утра проверьте все данные по своим каналам.

– Когда передадите?

– Сегодня. Я оставлю список у вас под дверью.

Он не успел договорить, как дверь туалета вновь открылась. Бельграно отвернулся от Дронго к ящичку с бумажными полотенцами. В помещение вошел коренастый мужчина лет сорока афроамериканской наружности. Он был в голубой рубашке с расстегнутым воротом и светло-сером костюме. На груди виднелась золотая цепь. Мужчина сразу прошел в свободную кабинку. Бельграно повернул голову к Дронго, продолжая вытирать руки. И в этот момент хлопнула дверца первой кабинки. Оттуда вышел мужчина лет шестидесяти с характерной азиатской внешностью – чуть выше среднего роста, худощавый, с жесткими черными волосами и резкими морщинами на лице. Взглянув на обоих мужчин, он пробормотал извинения. Дронго сделал шаг в сторону, освобождая место рядом с умывальником, показал на азиата своему напарнику глазами и вышел из помещения.

Когда он вернулся в зал, Зулмира уже улыбалась какому-то молодому человеку, откровенно флиртовавшему с

очаровательной женщиной. Неизвестно откуда взявшийся нахал выглядел лет на тридцать, не больше. Его обтягивающий темный костюм, рубашка с высоким стоячим воротником и блестящие туфли сразу бросались в глаза. У него был лишь один недостаток. Но существенный – небольшой рост. Если бы Зулмира встала, этот парень едва ли достал бы ей до плеча. Когда подошел Дронго, оказалось, что он чуть ли не в два раза выше неизвестного. Коротышка озадаченно поглядел на внезапно появившегося кавалера и, пробормотав извинения, отошел от столика.

– Вас невозможно оставить даже на минуту, – шутливо пожаловался Дронго. – Не успел я выйти, как вы уже флиртуете с другим.

– Как вам не стыдно, – рассмеялась Зулмира, – этот молодой человек всего лишь помощник нашего координатора по африканским странам. Между прочим, Эдуардо прекрасно играет в теннис и приглашал меня завтра на теннисный корт.

– Надеюсь, вы ему отказали? – спросил Дронго, усаживаясь на свое место.

– Мне больше нравится футбол. Не забывайте, что во мне есть бразильская кровь. Все бразильцы просто помешаны на футболе. А вы бы хотели, чтобы я ему отказала? – поинтересовалась Зулмира, явно довольная произведенным эффектом от разговора с молодым человеком. Видимо, она была не прочь немного подразнить своего кавалера.

– В теннис я не играю, – признался Дронго. – При моей

комплексии и росте играть в теннис достаточно сложно. Да и футболист из меня вряд ли получится. Хотя футбол я люблю. А кроме того, для тенниса у меня плохо поставлен удар. Я бью слишком сильно и не всегда так, как нужно.

– Как раз завтра мы могли бы поехать вместе и потренироваться, – радостно предложила Зулмира.

– А Эдуардо будет нашим учителем? – буркнул Дронго. – Надеюсь, кроме тенниса, он ничему плохому нас не научит?

– Какой вы ревнивый! – всплеснула руками Зулмира. – Просто настоящий венецианский мавр. О таком ревнивце кто-то даже пьесу написал, Шекспир, кажется...

– От вашей непосредственности умереть можно, – засмеялся он. – Действительно, про Отелло с его ревностью написал Шекспир. И если вы скажете, что никогда о нем не слышали, я умру прямо на месте.

– Слышала, слышала, – кивнула она, – но терпеть его не могу. У него все драмы какие-то дикие, нечеловеческие. В одной – дочери бросают на произвол судьбы старика-отца, в другой – погибают совсем юные влюбленные, в третьей – у принца отца убивает его собственный брат, а мать выходит замуж за этого убийцу. Не знаю. Мне ваш Шекспир не нравится. Он какой-то типично средневековый тип с извращенным пониманием любви.

– Вы не одиноки в своих суждениях, – заметил Дронго. – Так считал и великий русский писатель Лев Толстой. А мне Шекспир нравится. Я как раз нахожу, что он очень досто-

верно описывал нюансы человеческих чувств и отношений. К сожалению, люди мало изменились со времен Средневековья. Так же любят, так же ненавидят, так же ревнуют, так же пытаются любым способом захватить власть, идут на подлость, предательства, убийства. Только Шекспир не мой и не ваш. Он принадлежит нам всем. И его драмы будут жить еще тысячу лет, после того как мы покинем этот свет.

Он заметил, что при этих словах она вздрогнула и опустила глаза. Словно любое упоминание о смерти как-то странно волновало молодую женщину. Дронго нахмурился.

Некоторое время они сидели молча. Дронго бросил взгляд в сторону своего напарника. Тот все еще оставался за столом – пил кофе и продолжал общаться со своими соседями. Хотя многие из делегатов, уже успев поужинать, покидали зал ресторана. Увидев среди них знакомую, Зулмира подняла руку в знак приветствия. Темнокожая женщина улыбнулась ей, тоже помахала рукой и направилась к ним, грациозно обходя столики.

У незнакомки, которой на вид можно было дать лет тридцать пять, были резко очерченные скулы, тонкие крылья носа, выразительные карие глаза, изящные кисти рук. Гибкую фигуру подчеркивало легкое цветастое платье. Она подошла к их столику, Дронго поднялся.

– Познакомьтесь, – весело улыбнулась Зулмира. – Это наш коллега из Баку. Он впервые приехал на такой конгресс. А это моя подруга – Эстелла Велозу. Она из Бразилии, наш

добрый советчик и активный помощник.

Дронго протянул руку и пожал холодную кисть новой знакомой. Они улыбнулись друг другу.

– Очень приятно, – произнес Дронго. – Мне кажется, больше в Бразилии не осталось красивых женщин. Всех привезли на этот конгресс.

– Вот видите, какой вы непостоянный человек, – рассмеялась Зулмира. – Стоило лишь появиться моей подруге, и вы уже готовы мне изменить. А еще ревновали к Эдуардо. Ты не знаешь, Эстелла, когда мы завтра закончим?

– Завтра насыщенная повестка дня, – ответила ее подруга, – ожидаются основные доклады. Кстати, нам нужно еще все перевести. Представляешь, сколько нам придется работать? Многие сдали свои доклады только сегодня. Будем сидеть над переводами всю ночь.

– Бедняжки, – вздохнула Зулмира. Она лукаво взглянула на Дронго. – Я всегда считала, что ночью можно проводить время гораздо более интересно, чем заниматься работой.

– Смотря какой работой, – пошутил Дронго, и обе женщины весело рассмеялись.

Эстелла, увидев кого-то, извинилась и перешла к другому столику. Дронго с Зулмирой остались вдвоем.

– Они волонтеры, помогают организационному штабу на добровольных началах, – пояснила Зулмира. – Эстелла – изумительный человек. Никогда не теряет головы, всегда умеет найти выход из сложной ситуации. Между прочим, она очень

красивая женщина, и я видела, как один китайский миллионер пытался за ней ухаживать.

– Чем это закончилось?

– Лучше не спрашивайте. Она его прогнала. Отчитала и прогнала при всех. Он говорил, что голову из-за нее потерял, собирался подарить ей самую красивую и дорогую машину. А она его прогнала. Вот какие у нас женщины! Теперь вы станете нас больше ценить.

– Я не сомневался, что в нашей организации работают исключительно морально устойчивые дамы. Только, – Дронго вздохнул, – у меня нет лишних машин. Как вы считаете, в этом случае у меня будет шанс, если я попытаюсь за вами ухаживать?

Тут он заметил, что Пьеро поднялся из-за стола и направился к выходу вместе с двумя пожилыми азиатами. Обоим было лет по шестьдесят пять. «Если один из них Сервал, то сеньор Бельграно просто гений. Неужели он сумел вычислить нужного человека за один вечер?»

Дронго проводил троицу долгим взглядом. Если бы все было так просто, их не послали бы вместе. Пьеро прав, что проверяет всех подозрительных. А в задачу Дронго входит не проверка прибывших на конгресс делегатов, а умение вычислить, кто из них может оказаться Сервалом. Интересно, почему найти бывшего агента поручили именно Дронго. «Либо они действительно считают, что это чрезвычайно сложная задача, с которой не мог бы справиться никто

другой, либо полагают, что после выполнения задания сам Дронго уже не будет нужен?»

– Вы должны попытаться, – прорвался сквозь его размышления голос сеньоры Машаду.

Эстелла тем временем разговаривала с неизвестным мужчиной. Это был тучный господин лет семидесяти в больших очках. На его лице выделялись мясистые щеки и густые брови. Он говорил отрывистыми фразами, размахивая короткими руками с толстыми пальцами. При каждом взмахе руки на манжетах его рубашки посверкивали бриллиантовые запонки.

– Как хорошо, что я встретил именно вас, – пробормотал Дронго, продолжая улыбаться своей собеседнице, но думая о предстоящих делах. «Кто этот человек? Есть ли он у меня в списке? Нужно проверить всех кандидатов из моего списка. И сделать это сегодня ночью. Сегодня. Если не случится ничего неожиданного...» Он взглянул на свою спутницу. Нужно быть кретином, чтобы отказаться от свидания с такой красивой женщиной. Но он прилетел сюда не для этого.

– У меня четыреста двенадцатый номер, – назвала свою комнату Зулмира. – Но, между прочим, я заметила, как вы смотрите в сторону Эстеллы.

– Мне интересен ее собеседник, – возразил Дронго. – Кажется, я его где-то видел.

– Конечно, видели, – уверенно сказала Зулмира. – Это же сам мистер Кобден. Франклин Кобден, один из самых из-

вестных фармацевтов мира. Его предприятия можно встретить сразу на трех континентах. Говорят, на него работают более ста тысяч человек. Вчера его весь день показывали по Си-эн-эн. Он знает здесь почти каждого. И его все знают.

– Наверное, я видел его в этой передаче, – разочарованно произнес Дронго. Кобден никак не годился на роль Сервала. Слишком заметная личность.

К столику мистера Кобдена подошла пожилая женщина, по виду представительница Индии или Пакистана, и тот сразу поднялся, пожимая ей руку.

– А это Малика Капур из Дели, – сообщила Зулмира. – Вас с ней тоже познакомиться или вам она менее интересна, чем Эстелла?

– Мне интереснее всего с вами, – признался Дронго и спросил, загадочно улыбаясь: – Если я вдруг случайно перепутаю номера и зайду в четыреста двенадцатый, как вы думаете, меня не прогонят?

– Посмотрим, – улыбнулась она в ответ и снова облизала свои пухлые губы.

Когда Зулмира собралась встать из-за стола, Дронго обратился к ней с неожиданным вопросом:

– Все время хочу у вас спросить, какой у вас парфюм? Это новый аромат?

– Да, – улыбнулась сеньора Машаду, – «Труссарди джине». Так и называется. Он вам не нравится?

– С сегодняшнего дня это мой самый любимый парфюм, –

пошутил Дронго, поднимаясь следом за своей дамой. Теперь настало время решать – либо отправиться в четыреста двенадцатый номер и остаться там на всю ночь, либо подготовить список и передать его своему напарнику. Выбирать нужно немедленно.

«Я не Штирлиц, – с раздражением подумал Дронго, – свидание с женщиной на расстоянии десяти метров и под присмотром других агентов – это не для меня. Но и список нужно подготовить. Не пойти с Зулмирой – значит смертельно обидеть женщину, пойти – значит оставить Пьеро без работы и не выполнить задачу, ради которой он сюда приехал. Чувство долга! Почему оно должно быть именно у меня? Какой идиотизм!»

– Я только позвоню к себе домой из номера и спущусь к вам, – предложил Дронго, когда они с Зулмирой вошли в кабину лифта. Она недоуменно взглянула на него.

– Вы могли бы позвонить из моего номера, – холодно произнесла женщина, – хотя как вам будет угодно...

Она вышла на четвертом этаже даже не обернувшись. Можно было представить, как она обиделась.

Теперь нужно срочно распечатать этот проклятый список, отметить нужных людей, передать его Пьеро и поспешить в четыреста двенадцатый номер. Когда лифт остановился на его этаже, он почти бегом ринулся к себе. «Неужели я так спешу только потому, что мне важно ее не обидеть? – спрашивал себя Дронго, открывая дверь. – Или на самом деле она

мне просто очень нравится? Черт возьми, нужно быстрее...»

Не успел он открыть дверь, как по запаху почувствовал присутствие в номере чужого человека. Именно по запаху. Пахло мужским потом. Дронго не переносил этот запах с детства. А уже затем он увидел мелькнувшую тень. И чисто машинально, повинуясь инстинкту, пригнул голову, избегая удара, бросился на пол и перекатился в комнату.

Глава пятая

Кулак незнакомца просвистел буквально в нескольких сантиметрах от его уха. Если бы не реакция Дронго, удар пришелся бы точно по голове. Но он вовремя дернулся – сказались многолетний опыт и выучка. Неизвестный не сумел прицельно нанести удар и задел лишь левое плечо, причем достаточно сильно. Когда Дронго упал на пол, то увидел занесенную над ним ногу. Перед глазами мелькнул темно-коричневый ботинок среднего размера. Удар в живот был весьма болезненным, но Дронго успел сгруппироваться. И в тот момент, когда нападавший вновь заносил правую ногу, Дронго ударил его двумя ногами по левой. Не ожидавший подобных ответных действий, незнакомец упал, и Дронго еще раз нанес ему удар двумя ногами, отбрасывая к двери. Затем он перевернулся и получил от нападавшего, которого на мгновение потерял из виду, очень сильный удар ногой в спину. Когда Дронго повернулся, готовый подняться, неизвестный уже вскочил и, не пытаясь больше нападать, выбежал из номера.

Дронго со злостью ногой захлопнул дверь. Болела рука, по которой пришелся скользящий удар, сводило желудок и сильно ломило позвоночник. Нападавший ударил его в спину, отбрасывая от себя. Очевидно, в его задачу не входило убийство Дронго. Он всего лишь хотел проверить, кто имен-

но выдает себя за делегата из Баку. Дронго, кряхтя, поднялся. Такие глупые игры уже не для него. Ему казалось, что он навсегда покончил с этими акробатическими трюками, и вот теперь приходилось вспоминать прежние навыки – здесь, в Лиссабоне, уже в двадцать первом веке.

«Так. Вещи разбросаны, компьютер явно пытались включить... – Дронго усмехнулся. – Действовал далеко не дилетант, но работал под дилетанта». Беспорядок был устроен намеренно, с целью напугать хозяина номера. Незванный гость явно сначала очень тщательно осмотрел комнату, проверил все полки. И кстати, разбросав личные вещи, не тронул ни одну из бумаг конгресса. Или они ему были не нужны?

– Черт побери, – выругался Дронго, сделав несколько шагов. Тупо ныла спина. Видимо, удар в позвоночник был особенно сильным. Такие вещи не проходят бесследно. У него и без того спина все время болит, а теперь еще этот неизвестный гость постарался. В номере он ничего не мог найти, а вот получилось ли у него залезть в компьютер? Дронго подсел к своему ноутбуку и проверил программу. Ничего себе дилетант. Ему удалось найти возможность включить компьютер, не зная пароля. Судя по всему, этот человек очень хорошо разбирается в подобных вещах. И умеет неплохо драться. Интересно, где готовят таких разносторонних специалистов? Дронго нахмурился. Дальше незнакомец проникнуть не сумел, иначе сработала бы программа защиты, стирающая все записи. Или у него не хватило времени? Тогда понятно,

почему он так внезапно решился на нападение. Дронго потерял спину.

«И чего они полезли сюда? – мрачно думал он, пока на экране ноутбука загружался список участников конгресса. – Сервал не должен действовать столь примитивно. Если он находится среди делегатов, то обязан сделать все, чтобы не привлекать к себе внимания. И уж тем более не врываться в чужие номера». Хотя лица нападавшего Дронго так и не успел заметить, он предположил все же, что это был не Кахаров. Может, кто-то из его прикрытия? Что-то не верится. Зачем этим людям такой ненужный резонанс? Чего они добиваются? Если Дронго – тот, кто послан сюда, чтобы найти Сервала, так они своими активными действиями лишь подтвердят подозрения в отношении своего патрона. А если он – обычный человек, рядовой делегат, прибывший из небольшой страны? Тогда завтра утром он обязательно расскажет обо всем организаторам конгресса, и инцидент все равно получит нежелательную огласку. И будет означать очевидный прокол самого Сервала. Нет, не получается. Кто же это был?

«Обычный грабитель?» – продолжал прикидывать в уме Дронго, разглядывая разбросанные вещи. Тоже никак не выходит. Обычный грабитель скорее всего сразу сбежал бы. И не решился бы нападать, а напав, вряд ли выстоял против Дронго. И уж наверняка не стал бы рыться в его компьютере. Он бы его просто унес. Дронго снова потерял спину. Обычный грабитель не имеет такой подготовки. Нет, это глупая вер-

сия. Тогда кто и почему влез в его номер?

Он посмотрел на свой список. Сколько здесь имен! Как найти среди них нужного человека? Как успеть проверить каждого? Если нападение организовал сам Сервал, то он может исчезнуть уже завтра к вечеру, догадавшись, что его раскрыли. Тогда больше никаких шансов не останется. Возможно, это нападение и было попыткой выяснить, как Дронго будет реагировать. Заявит о нападении – значит, это обычный делегат, напуганный вторжением неизвестного. Промолчит – значит, ему есть что скрывать, и они будут точно знать, что этот человек прибыл сюда с определенной целью. Стоп. Если нападавший не идиот, то должен был сразу догадаться, что Дронго не обычный делегат и тем более не врач. Делегаты конгресса Всемирной организации здравоохранения не шифруют так тщательно свои записи в компьютерах и уж наверняка не умеют мгновенно уходить от удара и давать отпор. Если незнакомца прислал Сервал, то уже сейчас он точно знает, что Дронго – не тот, за кого себя выдает. Значит, времени совсем нет.

Нужно действовать немедленно. Просмотреть еще раз кандидатуры у себя в компьютере. Затем вынуть список делегатов из той папки, которую ему выдали, как и всем участникам конгресса, и отметить в нем самых подозрительных. Передать список своему напарнику. Но... Просто подсунуть бумаги под дверь нельзя. Если решили проверить Дронго, то могут влезть в номер и к сеньору Бельграно. А там наверня-

ка найдется оружие и еще какие-нибудь неприятные вещи, которые могут быть у профессионального убийцы. К тому же этот Пьеро далеко не так прост, если работает в системе разведки уже столько лет. Можно представить, какой у него послужной список. То есть развитие ситуации может пойти по двум вариантам. Либо неизвестные, обнаружив, зачем сюда приехал сеньор Бельграно, примут решение о его ликвидации, либо сам Пьеро уберет человека, который окажется у него в номере. В любом случае такое неприятное развитие темы грозит немедленным исчезновением Сервала из Лиссабона. Нет, так нельзя. Нужно самому отправиться к своему напарнику и все ему рассказать, предупредить о возможной опасности. Дронго поморщился, спина болела все сильнее. Похоже, что там будет кровоподтек...

Он начал сверять официальный список делегатов со своим, из компьютера, фиксируя тех, на кого следовало обратить внимание. При этом он выписывал нужные цифры на отдельный лист бумаги, чтобы не портить список из своей папки с материалами конгресса. Расчет был абсолютно правильным. Постороннему человеку не придет в голову сравнить эти цифры с порядковыми номерами делегатов на копии списка, который был роздан всем делегатам. А посвященный человек и без того догадается, что Дронго и его напарник собираются проверить всех приехавших на конгресс, кто хотя бы немного может быть похож на Сервала.

Дронго набрал номер телефона в комнате своего напар-

ника. Тот снял трубку на пятом звонке. «Наверное, подключил телефон к блокирующей аппаратуре, – подумал Дронго. – Хотя вряд ли Пьеро будет выдавать себя столь примитивным образом».

– Где вы были? – спросил Дронго.

– Я только вошел и услышал ваш звонок, – объяснил напарник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.